

Вечерняя Москва, 1965, 6 марта

Творческий портрет

МЕЛОДИИ, БЛИЗКИЕ МИЛЛИОНАМ

НАТАЛИЯ САЦ

Вам песня посвящается,
И вы смелей ответьте,
Ведь песеню кончается
Все лучшее на свете.

И в какой стороне я ни
буду,
По какой ни пройду я
тропе,

Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился
в Москве.

Как часто слышишь и сейчас
эту песню Хренникова (на
слова Виктора Гусева), хотя
кинофильм, к которому она
была написана, не идет уже
давно.

Найти музыкальные интонации,
близкие миллионам,
заронить мелодию в сердце
поющего — особый дар. Он
есть у Хренникова. И не случайно
то тяготение, которое
испытывают к композитору
режиссеры театра и кино. Известно
более двадцати спектаклей и
фильмов, успех которых
неотделим от музыки Хренникова.

Композитор обладает ярким,
образным мышлением. Его музыка
неизменно активизирует творческую
фантазию артистов, помогает им
создавать новые образы. Она
полна внутренней динамики,

неожиданных смелых гармоний
и ритмов.

МНЕ вспоминается наша
первая встреча с Тихоном
Николаевичем. Это было
в Московском театре для детей,
много лет назад. Тихон
Хренников только что переехал
в Москву из Ельца, был студентом
консерватории, очень стеснялся
всех нас и особенно своих
неполных двенадцати лет.

Помню, он уже прочел
пьесу-сказку Н. Шестакова
«Мик», сидел около макета
В. Рындина, слушал мои
режиссерские наброски и молчал.

Прошло немало дней, прежде
чем юный композитор сообщил
мне, что многое у него готово
и что он просит прослушать
его эскизы.

Но, странно, как только
пальцы Хренникова соприкоснулись
с клавишами рояля, — его робость
куда-то исчезла. Передо мной
сидел волевой, темпераментный
и, как ни удивительно, вполне
зрелый художник.

Как точно подметил молодой
композитор небольшой диапозон
и «голос с хрипотцой» исполнителя
роля сторожа зверинца! Песню,
которую он ему написал, и надо
было говорить на музыке старческим
голосом, она «брала за живое»,
согревала образ.

С песней сторожа ярко
контрастировал марш полицейских.
Сколько самодовольства,
какие острые ритмы и гармонии!
Марш написан в совсем
необычном размере — на три
четверти. А музыкаль-

ная характеристика Асколотля!
Какой умный гротеск! И страшно,
и смешно! Вот оно, зерно образа!

Но больше всего меня поразили
сила и выразительность песни
безработных Запада:

Мы ушли, но мы вернемся
снова,
Мы ушли, но не забыли
вас.

За нами последнее слово,
И мы его скажем, в свой
час-час.

Зори разгораются, силы
собираются...

Молодой композитор пел громко,
очень громко; его комсомольское
сердце звуками музыки протестовало
против несправедливости, в его
воображении он был сейчас
большим мужским хором... И
вдруг после мощного фортиссимо
— несколько слов просто
сказанных, сдержанно и
значительно, а потом снова
негромкое, постепенно затихающее
вдали пение — они ушли...

Смелость и самобытность
девятнадцатилетнего композитора,
который никогда прежде не писал
для театра, казались почти
невероятными. Радвала и какая-то
очень русская основа его дарования.
Он и по виду был очень русский
— коренастый, хотя и худой,
с прямыми русыми волосами,
высоким лбом, чудесной
улыбкой, которую мы тогда
видели очень редко — обычно
он был предельно озабочен.

Его музыка, как теплая
кровь, влилась в ткань наше-

го спектакля, и «Мик» имел
большой успех, а маленькие
зрители, уходя со спектакля,
вдохновенно распевали:

Мы ушли, но мы
вернемся снова,
Мы ушли, но не забыли
вас...

Вскоре после «Мика» режиссер
И. М. Раппопорт пригласил
Т. Хренникова и В. Рындина к
созданию постановки «Много
шума из ничего» на сцене
Театра имени Евг. Вахтангова.
Тот, кто видел этот замечательный
спектакль, никогда его не забудет.
Он был насыто пронизан музыкой,
то мечтательно грациозной, то
зарисованно озорной, то пол-

ной задушевного лиризма, но
всегда жизнерадостной и непосредственной,
тончайшими штрихами
связанной с театральными
действиями, ритмо-эмоциональной
жизнью действующих лиц на
сцене. Об этом спектакле писали,
им восхищались, и в 20 лет
скромный юноша из Ельца стал
признанным московским композитором.
Вскоре он закончил свою
Первую симфонию и фортепьянный
концерт.

НУ, А СЕЙЧАС Т. Н. Хренников —
автор ряда опер, оперетт,
конcertов, симфоний, он —
первый секретарь Союза
композиторов СССР, член
Советского Комитета защиты
мира, депутат Верховного
Совета СССР. Нет, я не собираюсь
перечислять всего, что он успевает
делать за сутки, в которых
только двадцать четыре часа.

Но в своем внутреннем, да
и внешнем облике Хренников
мало изменился. Улыбается
значительно чаще, чем в юности,
а слушает всех и каждого с
таким же уважением, так же
прост, собран и тактичен.

Но и теперь меня всегда
удивляет, как внезапно загораются
глаза, оживают губы Хренникова,
когда он садится за рояль,
как соприсношение с музыкальной
стихией превращает его из
симпатичного обыкновенного
неповторимо индивидуального.

Хренников мог бы стать
первоклассным, выдающимся
пианистом — у него для этого
были все данные: но и сейчас
он доставляет большую, горячую
радость исполнением своего
фортепьянного концерта. Не
случайно это произведение,
написанное композитором в юности,
звучит все чаще в авторском
исполнении и так молодо,
темпераментно.

Многими нитями связан Хренников
с большой жизнью своей Родины.
Он часто разъезжает по стране
и как депутат, и как руководитель
Союза композиторов, и как
концертант. В годы Великой
Отечественной войны он часто
выступал перед фронтовиками,
с частями 1-го Белорусского
фронта прошел от Одера до
Берлина.

В сюжетах, которые его
увлекают, в исполнительской
манере, в его композиторском
творчестве есть та широта
подлинного демократизма,
которая присуща советскому

композитору. Люди самых
разных профессий и возрастов
считают его музыку близкой
своей.

Особенно ясно почувствовала
я это на одном из недавних
авторских концертов в Доме
ученых. Программу вел сам
Хренников, с присущей ему
доверительной простотой. Давал
краткие пояснения, а главное —
сам аккомпанировал всем
исполнителям, заражая их своим
вдохновением, каким-то особым
музыкальным подтекстом.
Будничным концерт превратился
в праздник для публики. Помню,
какой успех в концерте имели
сцены из оперы «В бурю»,
которая уже 25 лет идет во
многих театрах и посвящена
композитору его первому и
главному режиссеру — Владимиру
Ивановичу Немировичу-Данченко.

В ЯНВАРЕ этого года мне
надо было заехать по делу
к Тихону Николаевичу домой.
Из кабинета Хренникова
неслись звуки фортепьянного
концерта: повторял для поэтики
на фоне берез города Ельца
совсем юный Хренников и
пожилая женщина в пестрой
ситцевой кофте, повязанная
платком. Кто это? Мать...
Теперь он вырос, очень вырос
и стоит тут, в кабинете,
полный новых планов и
права на их свершение, а
Варвара Васильевна уже нет...
Но фотография такая живая
и выразительная, что кажется,
мать и сейчас пристально
и ласково смотрит на своего
большого сына. И она может
им гордиться.

на столе справа, и горку, вернее,
гору писем слева. Я попросила
композитора показать мне эти
письма.

...«Счастья, здоровья, творческих
успехов» желают ему учащиеся
9-го класса «В» из школы
родного города Ельца, письмо
из Парижа от знаменитого
французского композитора
Жоржа Орика; из Анкары
от турецкого композитора
Улви Эркина.

Ганс Пфааль из Ганновера
(ФРГ) пишет Тихону Николаевичу,
что специально приехал в
ГДР, Берлин, на гастрольный
спектакль москвичей «В бурю».
«Тридцать лет назад — говорит
он в своем письме, — мне
посчастливилось прочитать книгу
Станиславского об искусстве
театральной правды. Теперь
сбылись мои юношеские мечты:
я был на спектакле «В бурю»
и пережил восторг осуществленной
правды в вашей музыке и на
сцене. Я вкладываю в это
письмо фотографию моих детей
Марио и Рене — как хочется,
чтобы они были счастливы,
чтобы на земле сохранился мир.
Как было бы хорошо, если бы
именно Вы написали песню о
мире для детей всего мира...»

Я положила это письмо на
клавир оперы «Мать» и вдруг
впервые заметила на стене,
у рояля, большую фотографию:
на фоне берез города Ельца
совсем юный Хренников и
пожилая женщина в пестрой
ситцевой кофте, повязанная
платком. Кто это? Мать...

Теперь он вырос, очень вырос
и стоит тут, в кабинете,
полный новых планов и права
на их свершение, а Варвара
Васильевна уже нет... Но
фотография такая живая и
выразительная, что кажется,
мать и сейчас пристально
и ласково смотрит на своего
большого сына. И она может
им гордиться.